

ГЕОРГИЙ ПРОСТ

НЕ ОТМЕНЯЙ МЕНЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Георгий Прост

Не отменяй меня

<https://litres.ru/74681064>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тая Ветрова пишет свадебные речи. Она знает, какие слова заставят гостей смеяться и плакать, но собственный развод предпочитает не обсуждать.

Когда агентство бывшего мужа перестаёт выполнять обещания, шесть невест приходят именно к ней: её лицо на рекламе. До закрытия ресторана остаётся шесть суббот. Нужно провести чужие праздники, вернуть доверие и понять, за что она действительно отвечает.

Шеф-повар Роман Серов не верит красивым заверениям. У него дочь, собственные планы и привычка спрашивать прямо. Рядом с ним Тае легко забыть о заготовленных словах — и трудно перестать решать за других.

История взрослой любви, женской дружбы и счастья, которое начинается раньше, чем всё становится идеальным.

Содержание

Часть I	4
Глава 1 Человек на фотографии	4
Глава 2 До двух часов	14
Глава 3 Чужие хорошие новости	24
Глава 4 Четыре лишних часа	33
Глава 5 Сорок шесть мест	42
Глава 6 На четыре порции	51
Глава 7 После закрытия	60
Глава 8 Завтрак для двадцати четырёх	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Георгий Прост

Не отменяй меня

Часть I

Чужие обещания

Глава 1 Человек на фотографии

— Вы на фотографии, — сказала женщина в жёлтом плаще. — Значит, с вас и спрос.

Тая посмотрела на экран, который ей протянули через стол. На фотографии она стояла под аркой из белых цветов, держа папку с чужими свадебными клятвами. Волосы красиво трепал ветер. В тот день ветер опрокинул два микрофона и унёс салфетку в суп городскому заместителю, но этого в рекламе не было.

«Шесть суббот, которые вы запомните навсегда», — прочла она над собственной головой.

— Соня, да? Мы переписывались про вашу речь.

— Про речь. А ещё про ресторан, музыку и машину. Машины нет. Водитель вчера сказал, что ему никто ничего не платил.

— Сейчас выясним.

Тая произнесла это автоматически и сразу пожалела. Именно ради таких слов её, кажется, сюда и позвали.

На часах было десять двадцать. В понедельник ресторан «Липовый берег» обычно открывался к полудню, и Тая рассчитывала записать здесь три коротких ролика, пока в зале тихо. Мила, новая координатор Дениса, обещала привезти двух клиенток для общего кадра: кофе, знакомства, разговор о последних приготовлениях. Тая выбрала светлую рубашку, которую приходилось гладить с двух сторон. Уже на парковке поняла, что кофе будет недостаточно.

За длинным столом сидели шесть женщин.

Одна положила перед собой стопку документов, подровняв края по деревянному шву. Вторая держала обеими ладонями стакан воды. У третьей на телефонном чехле было блестящее сердечко, и она каждые несколько секунд поворачивала его к окну, словно искала лучший угол даже для бедствия. Самая молодая была в джинсовой куртке, разрисованной по рукавам. На спинке её стула висел шлем от велосипеда.

В торце стоял штатив. На телефонной камере горела красная точка.

— Мы снимаем? — спросила Тая.

— Я снимаю, — ответила женщина со стаканом. — У меня свадьба через двенадцать дней. Я хочу, чтобы потом никто не говорил, будто я чего-то не так поняла.

Тая узнала Дину. У неё был мягкий низкий голос; в записи знакомства за ним слышался ещё один, подростковый: «Мам, ну скажи уже нормально». Сейчас рядом с Диной никого не было.

— Можете снимать меня. Но сначала спросите остальных.

Дина замерла, посмотрела вдоль стола и выключила камеру.

— Мне нельзя в кадр, — сказала женщина с документами.

— У нас на работе пока не знают.

— У меня все знают, — отозвалась девушка с сердечком.

— К сожалению.

Соня в жёлтом плаще продолжала держать телефон. Тая взяла его, увеличила рекламную фотографию. Название агентства было снизу мелким шрифтом, а её лицо занимало половину экрана.

Ей самой этот макет не понравился. Она написала Денису: «Слишком много меня. Я не продаю весь пакет». Он прислал смайлик и обещал переставить логотип. Через два дня Тая получила гонорар за сезон, и разговор утонул в других сообщениях.

Сейчас логотип оставался там же.

— Меня наняли написать и провести ваши церемонии, — сказала она. — За машины я не отвечаю. Но я понимаю, почему вы решили иначе.

Женщина с документами подняла глаза.

— То есть вы сейчас уйдёте?

— Нет. Я сначала позвоню Денису.

Собственное обещание было небольшим. Тая за него ухватилась.

За дверью что-то звякнуло. В зал вошёл мужчина с широким противнем и остановился, увидев стол. На нём были тёмные брюки, чёрная футболка и фартук, завязанный спереди грубым узлом. По руке от запястья к локтю шёл белёсый след старого ожога. На противне лежали двенадцать одинаковых булочек.

— Так, — сказал он. — А мне сказали: завтрак для четырёх.

Никто не ответил.

Он посмотрел на штатив, на лица женщин, потом на Тая. Узнал. Они встречались зимой на одной свадьбе: он добивался, чтобы ведущая отпустила гостей есть горячее, а ведущая объясняла, что у молодожёнов ещё не закончился первый танец. Ведущей была не Тая, но стояла тогда возле неё именно она.

— Роман Серов, — представился он столу. — Шеф. Кто-нибудь завтракал?

— Я не могу сейчас есть, — сказала Соня.

— Хорошо. Поставлю здесь. Захотите — возьмёте.

Он не стал объяснять, что на голодный желудок всё кажется хуже. Просто освободил край стола и переложил булочки щипцами на две тарелки. Тая вдруг вспомнила, что с утра выпила только кофе, пока отпариватель выплёвывал воду на

рубашку.

Роман заметил красную отметку на телефоне Дины — приложение ещё оставалось открытым.

— Кухню снимать не надо. Там люди на работе.

— Мы вообще-то тоже, — сказала девушка с сердечком.

— Тогда тем более.

В её лице что-то изменилось, но улыбаться она не стала.

Тая отошла к окну и набрала Дениса. Четыре гудка. Пять. На шестом включилась голосовая почта.

Два года назад она могла по длине паузы угадать, что он сейчас делает. Не по особенной близости — просто Денис никогда не выключал звук. Если не отвечал, значит, рядом был человек, чьё внимание он считал важнее телефонного звонка. Или человек, которому боялся показать, кто именно звонит.

Тая сбросила. Написала: «Я в ресторане. Здесь все шесть невест. Срочно перезвони».

— Он и нам не отвечает, — сообщила Соня за её спиной.

— Сколько времени?

— С пятницы. Миле отвечает. Мила говорит, что на встрече.

У двери стояла сама Мила. Серая толстовка была надета задом наперёд: под горлом торчала маленькая этикетка. Девушка держала сумку поперёк тела, как щит.

— Он правда был на встрече, — сказала она.

— В пятницу? — спросила Тая.

— И вчера тоже.

— Ты знала, что придут все?

Мила кивнула.

— Соня нашла остальных в общем чате. Они написали, что хотят приехать. Я решила, лучше здесь, чем каждая по отдельности к вам домой.

Тая открыла рот и закрыла. Логика была безупречная, если не считать той части, в которой её дом вообще появился среди вариантов.

— Спасибо, что предупредила, — сказала она. — Хотя бы сейчас.

Мила покраснела до самых ушей.

Тая вернулась к столу. Ей хотелось снять светлую рубашку. Она чувствовала на себе каждую выглаженную складку: как будто пришла на чужое несчастье специально красивой.

— Давайте представимся, — предложила она. — По очереди. И скажем, что именно не подтверждено. Я запишу.

— Мы это уже писали, — ответила Соня.

— Знаю. Мне нужно понять самой.

Девушка в джинсовой куртке повернула шлем на коленях.

— Яна. У нас пока всё подтверждено. Кроме самого Дениса. Папа велел приехать и посмотреть.

— Полина, — сказала девушка с сердечком. — Шестое июня. Вчера фотограф удалил нашу дату из календаря. Он подумал, что свадьбу отменили. Ему так сказали в агентстве.

— Кто?

— Не Мила. Мужчина. Я имя не запомнила.

— Надя, тринадцатого, — произнесла женщина в зелёной рабочей куртке. — Нам бы понять по деньгам. Мы часть отдали зимой. Если всё рухнет, Максим возьмёт в июне ещё два рейса, но тогда он на собственную свадьбу не попадёт.

Шутка упала на стол и осталась там.

Женщина с документами назвалась Мариной. Двадцатое июня. На работе не знали, что она выходит замуж второй раз, потому что после первого развода коллеги ещё три года советовали ей «найти нормального». Марина сказала об этом сухо, не глядя на Таю, и придвинула к ней копию договора.

Тая аккуратно положила её рядом со своим телефоном. Потом ещё пять.

Соня села последней. Плащ она так и не сняла.

— У нас в эту субботу, — сказала она. — Всё. Больше добавлять нечего.

Роман принёс кофейник и воду. Наливал сам, не зовя официантов. Тая поймала его взгляд.

— Можно на минуту?

Он кивнул в сторону служебного коридора.

Там пахло горячим маслом и вымытым полом. У стены стояли ящики с зеленью. На двери висела детская наклейка: жёлтый кот, который изо всех сил пытался выглядеть тигром.

— Вам заплатили? — спросила Тая.

— Частично.

— За все шесть?

— Часть за первые два банкета. Остальные даты держали по письму агентства.

— А Галина Мироновна?

— Ей лучше самой сказать.

Он говорил ровно. Это раздражало: Тая уже несколько минут изо всех сил поддерживала ровный голос, а ему, казалось, вообще не приходилось стараться.

— Вы можете пока не убирать даты?

— Могу. Но вы сейчас вернётесь и скажете, что кухня всё подтвердила. Поэтому уточню: держать даты — могу. Кормить людей на деньги, которых нет, — нет.

— Я не собиралась так говорить.

Роман посмотрел ей в лицо.

— Хорошо.

В этом «хорошо» не было ни недоверия, ни особенной поддержки. Она вдруг поняла, что ждала от незнакомого мужчины обещания разобраться вместо неё, и рассердилась уже на себя.

Телефон завибрировал.

Денис.

Она включила обычный звук, прижала аппарат к уху.

— Где ты?

— Таюш, я вижу. Сейчас нельзя паниковать.

За два года она научилась не отвечать на «Таюш». На «нельзя паниковать» пока не научилась.

— Я стою в ресторане. Передо мной шесть твоих клиентов. Соня выходит замуж через пять дней. У неё нет машины. У Полины нет фотографа. У Романа не оплачены банкеты.

— Не всё так. У нас временно зависло финансирование нового проекта. Я сегодня решаю.

— Ты имеешь в виду новый зал?

— Да. Если бы они не перенесли подписание, всё уже было бы закрыто.

Тая смотрела на жёлтого кота. На его нарисованной морде были три серьёзных уса.

— Деньги этих людей где?

Денис выдохнул. Она узнала этот звук тоже.

— Тая, я же не могу сейчас по телефону весь бухгалтерский учёт пересказать.

— Ты приедешь?

— После обеда. Только не обещай им возврат сегодня. И не пускай ничего в сеть. Мы с тобой можем это вытащить, если спокойно...

— Я не обещаю за тебя, — перебила она. — Приходи в два. С договорами и платежами.

Он начал говорить ещё что-то. Тая отключилась и несколько секунд смотрела на погасший экран.

Роман не спрашивал.

— В два приедет, — сказала она.

— Хорошо. Тогда я попрошу Галину Мироновну спу-

ститься. Иначе потом выяснится, что вам ещё что-нибудь не сказали.

Он открыл боковую дверь. За ней оказалось маленькое помещение с бухгалтерским шкафом и двумя стульями. На одном лежала упаковка новых тарелок, на другом — картонная коробка с надписью «ОСТОРОЖНО, ЛИЧНОЕ».

Тая вспомнила голые стены в проходе. В прошлом году здесь висели фотографии летних свадеб.

— Что не сказали?

Роман задержал руку на двери.

— Ресторан продан. Тридцатого июня передаём помещение. Осталось шесть суббот.

В зале Соня наконец сняла плащ. Его мокрый край скользнул на пол, и Тая почему-то слышала это отчётливее всех слов за утро.

Глава 2 До двух часов

Галина Мироновна спустилась в зал в уличных туфлях, с кожаной сумкой на локте. Обычно она появлялась из кабинета в мягких сменных тапочках и почти неслышно; теперь каблук отчётливо простучали между столами.

Женщина со стаканом сразу выпрямилась.

— Вы закрываетесь?

Хозяйка посмотрела на Таю, потом на Романа. Он ничего не сказал.

— Первого июля, — ответила она. — Все ваши даты раньше. Продажа состоялась в марте, агентство об этом знает. У нас есть договорённость до конца июня.

— Тогда зачем нам говорили, что можно перенести на август? — спросила Полина.

Галина Мироновна переставила сумку на другой локоть.

— Вам так говорили?

Полина развернула экран. Хозяйка надела очки. Пока она читала, Соня подняла одну булочку, осторожно разломилась и положила половину обратно на тарелку.

Тая вытащила из сумки блокнот. Он был куплен для записей бесед, и на первом развороте красовалось: «История пары начинается там, где они перестают стараться понравиться». Она перевернула страницу, чтобы никто не увидел.

— Мне нужен отдельный стол, — сказала она. — Мы сей-

час проверим, что у каждой уже оплачено и кем подтверждено. Не вслух на весь зал.

— А все остальные будут ждать? — спросила Надя.

— Нет. Сначала запишем ваши вопросы. Потом Мила снимет копии документов, и у каждой будет своё время сегодня. Кто не может остаться, поговорим по связи. Если вы согласны.

Надя посмотрела на часы.

— У меня смена с двенадцати. Я могу сейчас сорок минут.

— Тогда начнём с вас.

Соня перестала жевать.

Тая встретила её взгляд и кивнула.

— После Нади — вы. Ваша суббота первая.

Жёлтый плащ висел на стуле, от его подола на пол натекала маленькая лужа. Роман молча принёс стойку для одежды. Тая заметила, что он не пытался её развеселить, хотя другим за столом уже успел сказать что-то про колючую ветку мяты, и Яна коротко засмеялась.

Ей это было неприятно до смешного. Она привыкла нравиться людям хотя бы до первой трудности.

* * *

К часу у неё болела шея. Ни одна история не укладывалась в подготовленные строки.

У Нади была подтверждена еда, но не автобус для гостей.

Автобусом собирался заниматься приятель Максима, и тот считал, что деньги ему передадут накануне. Денис включил транспорт в пакет, не уточнив у водителя ни сумму, ни дату. Марина вообще не хотела музыку, которую ей записали отдельной услугой; считала, что это обязательный сбор за пользование залом. Яна ничего не могла сказать про собственный бюджет: платежи делал отец.

Соня сидела дольше всех. Её свадьба была аккуратно расписана на двенадцать часов, с выездом в семь утра, двумя локациями для съёмки и вечерним фейерверком.

— Вы хотите фейерверк? — спросила Тая.

— Игорь не любит. У него собака.

— А вы?

Соня пожала плечами.

В договоре после фейерверка значилось: «Дополнительная церемония света». Тая впервые слышала такое название. Мила, заглянув через плечо, шёпотом объяснила: бенгальские огни.

— Я уточню всё с Денисом, — сказала Тая. — Пока не будем ничего убирать. Игорь сможет приехать?

— Завтра после девяти. У него ночная.

— Тогда вдвоём обсудим, что вам действительно нужно.

Соня потёрла пальцем ободок чашки.

— Мама тоже придёт.

— Приходите, если хотите, с мамой.

— Она уже решила.

На этот раз Тая не стала предлагать красивого ответа. Она написала время и посмотрела, как Соня убирает бумажку в прозрачный чехол телефона — туда, где уже лежала фотография серьёзной рыжей собаки.

В половине второго женщины разъехались. Дина ушла с Мариной, Полина вызвала такси, а Яна покатила велосипед вдоль сада, придерживая рукой длинный ремень шлема. Мила отправилась снимать копии в кабинет. Галина Мироновна разговаривала по телефону, стоя у окна так прямо, словно собеседник мог проверить её осанку.

Тая осталась за столом с холодной чашкой.

Роман подошёл, убрал тарелки.

— У вас есть место, где можно умыться? — спросила она.

— Туалет направо.

— Я знаю. Я там сегодня в кадре была. Есть что-нибудь без этого света?

Он посмотрел внимательнее.

— В конце служебного коридора. Там для персонала. Свет тоже так себе, зато никто не фотографирует.

В маленькой умывальной было окно под потолком. Тая подставила руки холодной воде, намочила виски и увидела в зеркале женщину, которая действительно могла работать, даже если под глазами размазалась тушь. Волосы у шеи завились от сырости. На рубашке оказалось маленькое масляное пятно. Булочку она всё-таки съела, не заметив когда.

Из кабинки вышла помощница повара в белой косынке,

вымыла руки и протянула ей бумажное полотенце.

— У вас нос блестит.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Никакого скрытого смысла. Тая промокнула нос.

* * *

Денис приехал в два семнадцать. Без папки, зато с двумя бумажными стаканами.

— Тебе без сахара, — сказал он.

— У нас здесь ресторан.

Он чуть замедлился и поставил стаканы на край стола.

На нём была синяя куртка, купленная ещё при ней. Тая помнила, как отговаривала его от коричневой: синяя лучше смотрелась в видеосвязи. Теперь ей хотелось узнать, почему она вообще тратила на это время. Денис улыбнулся Миле, кивнул Галине Мироновне и начал говорить, не садясь.

— Ситуация рабочая. У нас сорвалась дата запуска «Белой террасы», но деньги не пропали. Они в проекте. Партнёр взял паузу на проверку, и это...

— Присядь, — сказала Тая.

Он сел.

— Где платежи подрядчикам по этим шести договорам?

— В бухгалтерии. Мила может выгрузить.

— Я выгрузила, — ответила Мила. — То, что есть в папке.

Она положила перед ним ноутбук. Денис наклонил экран к себе. Тая знала это движение: когда он хотел, чтобы разговор перестал быть общим, у предметов вдруг появлялась закрытая сторона.

Роман придвинул свой стул ближе.

— Вот это платёж мне? — спросил он.

— Да.

— Он не прошёл. Здесь заявка, а не подтверждение.

Денис посмотрел на него с лёгким раздражением.

— Я вижу.

— Тогда давайте пометим. Чтобы опять не посчитали дважды.

Галина Мироновна открыла свою папку. У неё документы были в прозрачных файлах с цветными уголками. Она неторопливо объяснила, какие деньги получила за использование зала, какие за хранение декора и какие суммы ожидала к конкретным датам. Денис два раза пытался ответить раньше конца фразы. На третий хозяйка сняла очки и просто ждала.

Он замолчал.

Тая записывала. Чем точнее становилась картина, тем меньше хотелось произнести хоть одно ободряющее слово.

Нельзя было сказать, что все деньги исчезли. Нельзя было сказать и что всё оплачено. Были подтверждённые заказы, обещанные заказы, переведённые суммы и суммы, о которых Денис помнил, что «должны были уйти». В новом зале лежали материалы, арендованный участок не был готов, парт-

нёр хотел сначала увидеть разрешённый въезд. Всё это существовало по-настоящему и совершенно не помогало Соне выйти замуж в субботу.

— Нам нужен отдельный расчёт по каждому клиенту, — сказала Галина Мироновна. — Я отвечаю за свой зал. Роман — за свою кухню. Вы — за то, что у них в договоре с вами. Не наоборот.

— Если каждый сейчас уйдёт в свою часть, мы потеряем весь сезон, — ответил Денис.

Тая подняла голову.

— Ты уже потерял часть сезона. Давай считать то, что осталось.

Он посмотрел на неё почти обиженно. Ещё утром она боялась этой обиды. Сейчас больше боялась позвонить Соне с очередным «мы всё решаем».

К трём составили список того, что можно подтвердить сразу. Всё остальное Денис должен был разобрать с клиентами и своим бухгалтером до следующего вечера. Тая отказалась звонить от его имени.

— Но они тебе верят, — сказал он, когда Роман вышел на кухню.

— Я заметила.

— Не надо так. Я не собирался никого подставлять.

— Я не спрашивала, чего ты собирался.

Мила смотрела в ноутбук слишком внимательно. Тая пожалела, что сказала это при ней, но брать слова обратно не

стала.

Денис понизил голос:

— Ладно. Мне нужно поговорить с тобой отдельно.

Она встала.

У окна за полупрозрачной шторой было тесно. Когда-то они здесь целовались на чужой свадьбе, пока фотограф ждал, что молодожёны закончат спорить о съёмке у реки. Тая помнила всё: тяжёлую серёжку, которая зацепилась за его ворот, след от шампанского на столе. Её раздражало, что память не спрашивала разрешения.

— Я могу достать деньги, — сказал Денис. — Есть человек. Ему нужен хороший публичный кейс. Все шесть свадеб, честный сезон, человеческая история. Ты это умеешь.

— Что за человек?

— Я объясню, когда договоримся о встрече.

— Значит, пока денег нет.

Он потер переносицу.

— Ты можешь хотя бы не добивать меня?

Тая посмотрела ему в лицо. Под глазами были отёки. Щетина росла неравномерно, на подбородке осталось место, которое он вечно пропускал, торопясь бриться. Ей стало его жалко, и вслед за жалостью поднялось знакомое, почти сладкое желание быстро сказать что-нибудь, от чего он снова справится.

Она сделала вдох.

— Пришли предложение письменно. Я посмотрю, что там

требуется от меня.

— Мы раньше не так разговаривали.

— Да.

Он подождал. Она тоже.

В конце концов Денис взял один из стаканов, о втором забыл. Уходя, придержал дверь для Галины Мироновны, хотя она не собиралась выходить. Оба неловко остановились и разошлись в разные стороны.

Тая вернулась к столу. Роман стоял над блокнотом, не трогая его.

— Даты оставляем? — спросил он.

— До завтрашнего вечера — да. Клиентам говорим именно это. Потом каждая пара решает сама.

— Шесть звонков?

— Двенадцать. Женихи тоже существуют.

Он коротко улыбнулся. Первую его улыбку, адресованную ей, Тая отметила с совершенно неуместной точностью.

— Вам что-нибудь принести? — спросил он.

Она хотела ответить: «Ничего, спасибо». Вышло бы привычно и красиво. За спиной на столе стоял забытый Денисом кофе.

— Еду, — сказала Тая. — Любую. Только не булочку.

— Тогда нормально попросили.

Через десять минут перед ней стояла глубокая тарелка с тушёной фасолью и хлеб. Тая ела, придерживая блокнот локтем, и звонила Игорю Осипову. Он ответил после длинного

гудка; в трубке звякнул трамвайный звонок.

— Мне Соня всё переслала. Скажите, она там сильно плакала?

— Нет.

— Это плохо. Значит, потом будет.

Тая перестала жевать. Посмотрела на строчку «Дополнительная церемония света» и взяла чистую страницу.

Глава 3 Чужие хорошие новости

Дома Тая обнаружила в сумке оба бумажных стакана. Один принесла сама, второй ей сунул Денис, когда уходил. «Здесь твой, я перепутал». Тот, который он считал своим, остался на подоконнике ресторана. Таким образом, из подарка получился небольшой круговорот чужого кофе.

Она вылила остатки в раковину, сняла рубашку и повесила на дверцу шкафа. Масляное пятно было прямо над карманом. В ванной отстирала его мылом, долго полоскала, потом увидела, что воротник тоже грязный. Рубашка закончила день в тазу.

За окном дворник смывал шлангом пыль с качелей. У соседей сверху катался по полу какой-то удивительно тяжёлый круглый предмет. Тая каждую весну пыталась понять, что это, и представляла то шар для боулинга, то голову гипсового коня.

Сегодня для коня не осталось сил.

Она поставила в микроволновку суп, который приготовила в воскресенье, и открыла ноутбук. До полуночи нужно было отправить юбилейную речь для мужчины, любившего рыбалку, двух внуков и, по словам жены, «когда без пафоса». Жена прислала семь минут голосового сообщения и три варианта фразы «опора нашей семьи». Тая прослушала первый кусок и закрыла глаза.

Зазвонила мать.

— Ты на фотографиях сегодня какая-то уставшая.

— Каких фотографиях?

— У этой девочки, с которой ты работаешь. У неё в истории. Вроде встреча с невестами.

Тая открыла страницу Милы. Координатор успела выложить снимок тарелок, кофейника и её руки с блокнотом. «Понедельник. Большая подготовка к большому счастью». Через минуту после просьбы удалить снимок история исчезла.

— Мам, у меня сложный день. Я потом расскажу.

— Денис снова что-нибудь придумал?

Тая села на край кухонного стула.

— С чего ты взяла?

— Я видела его куртку. В отражении.

— Там не было зеркала.

— В кофейнике. Таечка, я сорок лет тетради проверяла. Мне не обязательно, чтобы человек прямо перед глазами махал.

Это было смешно, и оттого чуть легче стало выдерживать следующий вопрос.

— Вы опять вместе работаете?

— Мы и не переставали иногда вместе работать. Я говорила.

— Работать можно с любым. Только домой не приглашай из жалости.

— Я не приглашала.

— Хорошо. А ела?

— Ела.

— Тогда я всё. Приходи на неделе, у меня твоя коробка из кладовки мешает. Я её на дачу не потащу.

Коробка появилась в материнской кладовке два года назад и с тех пор приобретала новые свойства. Зимой мешала ставить лыжи, весной — доставать дачные сумки. Внутри лежали свадебное платье, две фаты на выбор и альбом фотографий, который Денис заказал уже после того, как они начали жить отдельно. На обложке золотом написали дату их свадьбы. Одну цифру перепутали.

— Заберу, — сказала Тая.

— Не сейчас. Не надо опять ко мне ночью с такси. Когда будет удобно.

Разговор закончился, а стыд остался. Мать не обвиняла её ни в чём конкретном, и Тая сама быстро находила недостающие обвинения. Снова связалась. Снова недоглядела. В тридцать четыре года умеет составлять чужие клятвы и не умеет объяснить близким, почему сама когда-то им поверила.

Она вынула суп. Края чашки были горячие, середина ледяная.

В дверь позвонили.

Лида стояла на площадке с двумя пакетами и маленьким горшком, из которого торчали три несчастных стебля.

— Это тебе, — сказала она, протягивая горшок. — Считай, мы друг друга не знаем.

— Что это?

— Базилик. Не говори ему пока, что у тебя дома.

Тая посторонилась. Лида сняла туфли без помощи рук, дотащила пакеты до кухни и открыла холодильник с правом, заработанным двенадцатью годами знакомства.

— Я ела, — сказала Тая.

— Я себе принесла. Ты можешь смотреть.

В одном пакете лежал контейнер с рисом и курицей, в другом — коробка с обломанными пионами. Лида забрала их из мастерской: транспортная упаковка сломала стебли слишком коротко для заказанных композиций. Из кармана куртки она достала секатор.

— Дай свои чашки, которые жалко выбросить.

Пока Тая собирала с полок разномастную посуду, подруга стригла стебли над раковиной. Крупные цветы ложились на ладонь тяжело и прохладно. В зелёной чашке с отбитыми краями розовый пион вдруг выглядел так, словно её специально для него сделали.

— Ты сейчас превратишь мою кухню в ресторан, который разорился? — спросила Тая.

— Уже превратила. В хорошем ресторане не держали бы такой рис в холодильнике.

— Это суп.

Лида заглянула в чашку и сморщилась.

— Тем более.

Они поели прямо на кухне. Тая рассказала утро сначала как смешной случай: жёлтый плащ, этикетка Милы, отражение Дениса в кофейнике. Лида слушала, разбирая курицу вилкой. На месте, где начался перечень неподтверждённых услуг, перестала есть.

— Ты что обещала?

— Пока только разобраться по каждой паре.

— Им или себе?

Тая отодвинула тарелку.

— Лид, не начинай.

— Я спрашиваю. Потому что у тебя есть работа. А теперь, кажется, появилась бесплатная работа Дениса.

— Я там на половине фотографий.

— Это не значит, что ты теперь должна стать половиной агентства.

Лида говорила без нажима. Она вообще могла быть беспощадной самым обычным голосом, продолжая стричь цветы или искать в телефоне скидку на тюльпаны. Тая когда-то ценила именно это. В неприятные дни ценить становилось труднее.

— Ты бы ушла? — спросила она.

— Нет. Но я бы сначала сказала, что могу сделать и сколько времени на это потрачу. А ты уже думаешь, где найти водителя к субботе.

Тая посмотрела на экран ноутбука. Там оставалась откры-

та вкладка с контактами свадебного транспорта.

Лида повернула чашку. Лепесток упал на стол.

— Я могу взять цветы. Те, которые ещё не оплачены другим. По нормальной смете. И я могу иногда выслушивать, как ты ругаешь бывшего. У этих двух услуг разная цена.

Тая не выдержала и засмеялась.

— За бывшего сколько?

— Сегодня — курица. Потом посмотрим по объёму.

* * *

Когда подруга ушла, в квартире стало пахнуть пионами. Тая закрыла транспортную вкладку и закончила юбилейную речь. Мужчину звали Валерий Иванович. Он действительно много лет держал на себе семью, но лучшая история была не об этом: как однажды на рыбалке он обменял всю добычу у соседнего отдыхающего на надувного единорога для внучки. Жена спрятала этот эпизод почти в конце сообщения, потому что «может быть, это несерьёзно».

Тая поставила его в середину.

Отправила текст. Открыла банковское приложение.

Деньги на жизнь были. Не на спасение шести свадеб, но на её собственную жизнь — да. После развода она считала их раз в неделю. Сначала с испугом, потом с мрачной дисциплиной, теперь чаще по привычке. В начале мая агентство перечислило ей восемьдесят четыре тысячи за сезон: шесть

историй, шесть церемоний. Часть уже была сделана, часть только ждала встреч. Чужих свадебных авансов на её счёт не было.

Она выписала свои реальные обязательства в отдельный файл. Никакой романтики в документе не получилось. Зато постепенно ушло ощущение, будто к полуночи она должна отдать квартиру и правую руку.

В половине одиннадцатого Денис прислал сообщение.

«Я сегодня был резок. Извини. Ты же знаешь, я всегда хотел для нас больше».

Тая долго смотрела на последнее слово.

Для «нас» у них когда-то была большая квартира в строящемся доме. Потом её пришлось уступить, потому что Денису понадобились деньги на запуск, а у Таи уже не осталось сил ждать. Для «нас» был отпуск, который переносили четыре лета, а на пятое Денис купил билеты без неё: «Ты всё равно в августе не можешь, у тебя же свадьбы». Для «нас» они заказали диван шириной три метра. Диван остался ему. На съёмной квартире Таи он перекрыл бы выход на балкон.

При этом он не лгал всё время. Мог приехать за ней в три ночи, когда заказчик удерживал расчёт. Умел довести до смеха за одну минуту. Помнил её кофе, хотя теперь путал стаканы. Они разводились без одной большой катастрофы; просто однажды она перестала хотеть рассказывать ему, что случилось за день. Тогда стало очень тихо.

На его сообщение Тая написала: «Завтра до вечера жду

расчёт по клиентам».

Стерла.

Написала снова и отправила.

Потом полезла в галерею за фотографией своей свадьбы. Нашла, увеличила. На ней Денис целовал ей пальцы, гости бросали лепестки, а она смотрела куда-то за плечо фотографа. Тая помнила, на что: в тот момент официант выносил торт слишком рано.

Она закрыла снимок.

Пришло новое сообщение. Не от Дениса.

Соня прислала фотографию листа с таймингом. На нём половину строк закрашили толстым чёрным маркером.

«Я сейчас смотрю на это и ничего не хочу. Только Игоря. Это ведь не значит, что я не должна выходить замуж?»

Тая прочла два раза. Посмотрела на время: без двенадцати двенадцать. Потом вместо длинного утешения набрала: «Можно позвонить?»

Соня ответила почти сразу.

В трубке сначала было слышно собачье дыхание, потом глухой стук: телефон, видимо, упал на диван.

— Простите, — сказала Соня. — Она решила, что мы гулять.

— Сколько ей?

— Восемь. Нашли со сломанной лапой, теперь она считает, что ей всё должны. Мне иногда хочется тоже так.

Тая устроилась на полу у балконной двери. За стеклом ка-

чели медленно вращались от шланга, который дворник забыл свернуть. Она спросила, какой день Соня представляла, когда согласилась выйти замуж.

Не какая церемония нравилась на чужих фотографиях. Не какие слова должна была услышать мать.

Соня помолчала.

— Утром бы выспаться, — сказала она наконец. — И чтобы можно было нормально поесть. Игорь всё время работает, мы иногда за неделю вместе только один ужин успеваем.

— Хорошо. Запишем с ужина.

— Я же сказала, утром.

— Тогда с завтрака.

Соня тихо засмеялась. Тая потянулась за блокнотом, но он лежал слишком далеко. Она осталась сидеть на полу и просто слушала.

Глава 4 Четыре лишних часа

Во вторник Игорь приехал с пакетом сушек и складным зонтом, от которого пахло автобусом. Он извинился, что небритый, и спросил, можно ли поставить телефон на зарядку.

— После ночной всё разряжается, — сказал он. — Даже то, чем не пользуешься.

Соня взяла у него пакет, вытащила сушку и придвинула стул так близко, что их колени соприкоснулись. Вчера Тая не заметила у неё ямочки на щеке. Сейчас она появилась и сразу исчезла: по дорожке из сада шла Тамара.

У Тамары были безупречная короткая стрижка и выражение лица человека, которому только что сообщили, что он зря старался.

— Мне сказали, вы хотите сократить программу.

— Мы хотим её обсудить, — ответила Тая.

— Это одно и то же.

Она села напротив дочери, не снимая сумку с плеча. Игорь поднялся, предложил стул поудобнее. Тамара отказалась, а когда он снова сел, всё-таки переставила свой.

Тая показала им два листа. На первом была исходная программа. На втором — только время регистрации и время, когда гости должны были приехать в ресторан. Между ними оставалось больше четырёх часов.

— Вот это можно заполнить по-разному.

— Фотосъёмка у набережной, — сказала Тамара. — Мы же договаривались.

— Там в субботу ремонтируют спуск, — ответил Игорь. — Нам фотограф прислал. Можно объехать, но до лестницы Соню всё равно на руках нести.

— Значит, найдём другую лестницу.

Соня крутила кольцо на пальце.

Тая налила воду всем троим. Роман оставил на столике бутылку, стаканы и тарелку с яблоками, после чего исчез. На этот раз никаких кофе и булочек: обычная встреча в закрытом зале. Тая была ему за это благодарна.

— Соня, — сказала она, — расскажите Игорю то, о чём мы говорили вчера.

Тамара чуть повернулась к дочери.

Соня посмотрела на Таю, и Тая почти почувствовала, как от неё ждут готового предложения: вот сейчас профессионал произнесёт всё так, что никто не обидится. Она удержалась. Сама слишком хорошо умела прятаться за чужую правильно составленную речь.

— Я не хочу кататься, — сказала Соня. — Я хочу после регистрации приехать сюда. И позавтракать.

Игорь кивнул сразу. В этом быстром согласии было столько облегчения, что Тамара нахмурилась.

— Ты тоже не хочешь фотографироваться?

— Хочу. Но я после двадцати минут стоя начинаю засы-

пать. Я знаю себя на снимках. Будет мужик, которого на собственную свадьбу привели.

— Вы молодые. Откуда столько усталости?

— С депо, — ответил он и протянул ей сушки.

Тамара не взяла.

Разговор на пять минут застрял в слове «завтрак». Оказалось, свадьба, на которой едят до полудня, для Тамары была похожа на обычный семейный праздник, а обычных праздников у них и так хватало. Она всю жизнь работала в столовой, кормила чужие большие события и хотела хотя бы раз увидеть свою дочь среди белых скатертей без мысли, кто потом всё это будет убирать.

Когда она сказала это вслух, Соня перестала трогать кольцо.

— Мам, белые скатерти останутся.

— Дело же не в скатертях.

— Я знаю. Но они останутся.

Тая записала: двадцать четыре гостя, стол после регистрации, фотограф здесь в саду, прогулка по желанию и без арендованной машины. Вечерние огни вычеркнули. Тамара держалась за последние два часа программы, как за край стола.

— Ваш папа бы хотел, чтобы у тебя всё было как положено.

Соня опустила взгляд. Игорь не стал её обнимать — просто подвинул ближе пакет с сушками, чтобы она могла занять руки.

— Может быть, — ответила Соня. — Но папа не любил фейерверки. Он говорил, что у людей лишние деньги и мало сна.

Тамара впервые улыбнулась. Совсем немного, с досадой.

— Это он говорил, когда сосед на майские пускал.

— Каждый год. И ещё на Новый год.

Встретившись взглядами, они обе вспомнили что-то, чего Тая не знала. Она не спросила. Дала им время.

Пустой стул для умершего отца оставался последним пунктом. Соня не хотела видеть его весь день.

— Мы поставим фотографию на маленький стол? — предложила она. — С моим букетом после церемонии. Я бы так хотела. Чтобы про него можно было вспомнить, а не всё время смотреть, где его нет.

Тамара поправила воротник. Кивнула не сразу.

Когда они договорились, Игорь вынул телефон и сфотографировал оба листа. У Таинового короткого варианта было три подписи и большое жирное пятно от сушки. На рекламную картинку это не походило, но Соня забрала его с таким видом, будто ей вернули паспорт.

* * *

Галина Мироновна нашлась на террасе. Она проверяла список мебели, наклеивая маленькие кусочки бумажного скотча под столешницы.

— Эти ваши?

— Эти — нового владельца. Эти я увезу. А эти никто не хочет, потому что ножка гуляет. Всё как у людей.

Тая присела помочь. Под столом было пыльно, скотч лип к пальцам.

— Вы почему продаёте?

Галина Мироновна протянула маркер.

— Потому что купили.

Тая вылезла обратно, обтряхнула колени.

— Простите. Не моё дело.

— Да не страшно. Все спрашивают так, будто я должна сначала заболеть. Я здорова. Дочь живёт в другом городе. Внука я обычно вижу в телефоне, пока он не убегает за край. Мне предлагают хорошую сумму. Я подумала и согласилась.

— Ресторан красивый.

— Красивый. Крыша над кладовой течёт, холодильник нужно менять, а в мае я каждый год знаю, какого числа у меня поднимется давление. Июль увидела в календаре без мероприятий — и обрадовалась. Значит, пора.

Тая крепко зажала маркер, хотя писать было не на чем.

— Вы не жалеете?

— Жалею. Вон эту липу посадил мой муж. Как теперь забрать? — Галина Мироновна посмотрела в сад. — Но я же не могу из-за липы до восьмидесяти лет ругаться с поставщиком полотенец.

Она снова наклонилась под стол. Тая придержала сумку,

чтобы не съехала с плеча.

На кухне ждали меню для Сони. Вместо торжественного ужина теперь требовался настоящий свадебный завтрак с горячими блюдами, пирогом и чем-нибудь, что можно удобно съесть в саду. Сокращение аренды не возвращало автоматически деньги за уже заказанные продукты; об этом Роман сказал прежде, чем Тая успела порадоваться экономии.

— Я понимаю.

— Соня понимает?

— Да. Вписали. Покажу им расчёт сегодня, если вы подготавливаете.

Роман вытер руки, посмотрел на список.

— В одиннадцать горячие яйца на двадцать четыре человека. Все одновременно. Вы меня очень любите.

— Пока только уважаю.

Он поднял глаза.

Тая ощутила, как тепло поднимается от воротника. Она имела в виду шутку. Обычно шутки позволяли не краснеть.

— Тогда на яйцах не останавливайтесь, — сказал он. — У нас есть запеканка. Можно подать целиком на столы. Красиво режется и не умирает за тридцать секунд.

Он поставил перед ней маленькую миску с чем-то бледным и посыпал сверху зеленью.

— Попробуйте.

Тая взяла ложку. Под хрустящей корочкой была мягкая картошка, сливки и лук, который почти растворился. Ей за-

хотелось есть.

— Это и есть запеканка?

— Это завтрак персоналу. Для них сделаем чуть наряднее. Но направление понятное.

— Понятное.

Она взяла ещё ложку.

Роман отвернулся, чтобы не смотреть, как она ест. На полке рядом с чистыми тарелками лежал карандаш, заточенный кухонным ножом, и стопка клетчатой бумаги. Тая думала, что шефы давно записывают всё в телефоны. У него были четыре столбца от руки; в верхнем углу она разобрала: «Лена выходной ср».

— Вы всем график пишете?

— А кому ещё?

— Я почему-то думала, этим управляющая занимается.

— Если управляющая решит, сколько поваров мне надо в субботу, я сойду с ума раньше июня. Мне хватает людей, которым известно, сколько должно стоять мясо.

Из дальнего помещения выглянула женщина в белой косынке.

— Ром, картошку ещё почистить?

— Два килограмма, Лена. И потом всё. Уходи вовремя.

Лена кивнула Тае, будто теперь они вместе знали что-то про её блестящий нос.

Тая доела, поставила миску в раковину и поискала губку.

— Не надо, — сказал Роман.

— Одну миску я умею.

— Я верю. Только она у вас трижды упадёт, пока вы найдёте моющее.

— Самоуверенное заявление.

Он молча указал на дозатор у неё за локтем. Тая резко повернулась, задела миску рукавом и успела поймать её у края.

Несколько секунд они оба стояли очень тихо.

Потом Роман засмеялся. Не улыбнулся, как вчера, а по-настоящему, коротко и неожиданно мальчишески. Из кухни выглянула Лена.

— Всё хорошо, — сказал он ей. — Миска жива.

Тая прижала посуду к груди.

— Вы это подстроили.

— Дозатор десять лет здесь висит.

— Значит, давно готовились.

Он взял у неё миску. Их пальцы соприкоснулись возле мокрого края, и Тая вдруг очень ясно ощутила свой возраст: не как цифру, которой нужно стыдиться, а как достаточное количество прожитых лет, чтобы узнать простое влечение без всяких оправданий.

Ей понравился мужчина на чужой кухне. Он смеялся над ней, готовил вкусную картошку и не обещал ничего сверх меню. Это не требовало немедленного решения.

Она вытерла руки и открыла Сонин файл.

— Мне нужен расчёт до шести. Сможете?

— До пяти пришлю.

— Спасибо.

У служебного выхода Тая столкнулась с Милой. Координатор держала стопку приглашений, перехваченную резинкой. На каждом серебре было выведено: «Ваш самый важный день».

— Эти можно пока здесь оставить? — спросила она. — Денис заказал запас, чтобы всем хватило.

— Оставь в шкафу, — сказала Тая. — Только не печатай больше.

На улице снова собирался дождь. Она шла к машине и думала, что в субботу обязательно нужно привезти запасные полотенца. Впервые за два дня это была задача, у которой имелось простое решение.

Глава 5 Сорок шесть мест

Ева Крылова предложила встретиться в половине девятого утра. Тая сначала решила, что это способ вежливо отказать, но пришла.

«Малая сцена» занимала первый этаж бывшего кинотеатра. Большой зал наверху давно превратили в магазин, а внизу сохранились высокие окна и узкий коридор с чёрно-белыми кадрами незнакомого фильма. У входа работал мужчина с перфоратором. Он выключил инструмент, увидев Тая, и посторонился.

Ева стояла посреди зала без туфель, босыми ступнями на бумажной разметке. На ней были широкие брюки и красный жилет, в котором Тае всегда хотелось выпрямить спину. Самой Еве, кажется, ничего не мешало.

— Не наступай на жёлтое, — сказала она. — Это проходы. Мы сейчас решаем, где люди будут изображать, что не видят стола с подарками.

Тая остановилась.

— У тебя ремонт?

— У меня мероприятия. Ремонт — между ними. Садись, если найдёшь стул без плёнки.

Свободный стул оказался один, возле небольшого столика. Ева поставила две чашки и сняла с подоконника связку ключей.

— Я слышала про ваш сезон.

— Быстро.

— У нас один фотограф на полгорода. И второй, который с первым не разговаривает. Новости доходят через обоих.

Тая положила перед ней список дат.

— Я не прошу бесплатно. Мне нужны варианты на случай переноса. Реальные. По стоимости, людям, еде.

Ева посмотрела на лист, потом на неё.

— Ты теперь организатор?

— Нет.

— А кто будет отвечать за перенос?

Тая собралась сказать: «Разберёмся». Вместо этого отпила кофе. Он был очень горячий.

— Если дойдёт до этого, нужен будет организатор. Скорее всего, ты. Я могу вести церемонии и помогать с текстами. И я хочу заранее знать, что есть.

— Так лучше.

Ева встала, нашла среди рулонов папку и принесла договор с планом зала. Свободны были шестое и двадцать седьмое июня. Свадебных суббот осталось мало; она не стала делать вид, будто держала их специально для Таи.

На схеме помещались сорок шесть гостей за столами, отдельно — место для пары, несколько стульев у стены. С танцами становилось тесно.

— Вот здесь сцена, — Ева ткнула карандашом. — Её можно закрыть. Но если они привезут группу с полным комплек-

том, никакие сорок шесть уже не получатся. И учти, здесь нет своей кухни для банкета. Только подготовочная. Горячее приходит от подрядчика, раздача в этом помещении. Кого привезёте, с тем и будем смотреть.

— Роман Серов.

— Его знаю. Пусть приедет сам, если понадобится.

Тая сфотографировала план с разрешения. Цену переписала отдельно, чтобы потом не искать среди картинок.

— Ты серьёзно не будешь сейчас спрашивать, как я вообще на это подписалась? — сказала она.

Ева опустила карандаш.

— На что именно?

— На работу с Денисом. Своё лицо на всех материалах. Всё это.

За стеной снова загредел перфоратор. Ева подождала, пока мужчина закончит короткий заход.

— Я и так знаю, как. Он предложил хорошие заказы. Ты умеешь их делать. Это не большая загадка.

Тая почувствовала облегчение — и почти сразу получила оставшуюся часть ответа.

— Но ваши объявления были составлены так, что я бы тоже решила: у вас общее дело. Я тебе ещё зимой сказала, помнишь?

Помнила. Ева написала под присланным макетом: «Ты с ним снова в партнёрах?» Тая ответила смеющимся значком и фразой «Только через мой труп». Теперь этот значок вы-

глядел в памяти особенно глупо.

— Я думала, достаточно своего договора.

— Для документов, может, достаточно. Для людей — нет. Они не видят твой договор.

Тая поставила чашку.

— Я здесь не за оправданием.

— Я его и не предлагаю.

Они посмотрели друг на друга. Раньше при таком разговоре Тая нашла бы, чем уколоть в ответ: у Евы тоже не каждый праздник проходил по плану, а её безупречный деловой вид стоил отдельного бюджета. Сейчас перебирать чужие провалы показалось утомительно.

— Спасибо за даты, — сказала Тая. — Можно я передам твой номер, если пара захочет обсудить?

— Можно. Только сразу назови стоимость. Не «Ева пойдёт навстречу». Я, может быть, и пойду, но мне тоже по дороге есть хочется.

У двери Тая снова остановилась, чтобы пропустить рабочего. Тот тащил большую раму, завернув край в старое полотенце. Ева крикнула ему про крепёж, потом вернулась к своей бумажной разметке. Из коридора Тая увидела, как она осторожно переставляет босую ногу между будущими столами, прикидывая чей-то путь к танцполу.

Другая женщина делала свою работу. В этом не было ничего личного, и Тая неожиданно обнаружила, что ей нравится такая ясность.

В ресторан она приехала ближе к трём. Денис прислал предварительную таблицу, потом ещё одну, где исчезла колонка с невыплаченными суммами. Тая попросила вернуть колонку. До вечера ей предстояло созвониться с четырьмя парами, а сейчас она собиралась забрать из зала акустическую колонку, свою личную, оставленную после съёмки.

У служебного входа Роман запирает велосипедный замок вокруг ручки металлического ящика.

— Это защита от голодных? — спросила она.

— От ветра. У нас крышка улетает. Здравствуйте.

— Здравствуйте. Мне свою колонку забрать.

— На полке у окна.

Он посмотрел на часы, на телефон, снова на часы.

— Вы куда-то спешите?

— В школу. Если Лена сможет сейчас принять зелень, я уйду.

— У вас лекция?

Роман повернул голову.

— Дочь. Четвёртый класс. Лекции пока в основном она читает мне.

Тая вспомнила наклейку жёлтого кота и почувствовала себя человеком, который пришёл в середине фильма и решил, что всё уже понял.

— А. Я не знала.

— Обычно не написано на фартуке.

Из кухни донёсся голос Лены. Роман ответил, снял фартук и повесил на крюк. Без него выглядел выше и менее защищённо. На футболке возле живота осталось пятно муки в форме маленького острова.

Тая взяла колонку. На выходе увидела, что Роман спорит с машиной: задняя дверца никак не защёлкивалась. Из неё торчал сложенный картонный макет.

— Дочка делала город, — объяснил он, заметив её взгляд.
— Сегодня выдача. Я не спросил размеры.

— Это он уже у вас?

— Это вчерашняя часть. Сегодня ещё школа и парк.

Тая поставила колонку на землю. Вдвоём они сдвинули макет, не отломав ни одной трубы. Из бумажной многоэтажки выпал маленький человечек с треугольной головой.

Роман поднял его с асфальта.

— Мэр, — сказал он мрачно. — Опять на улицу.

Тая засмеялась раньше, чем поняла шутку целиком. Он аккуратно посадил человечка в подстаканник и закрыл дверцу.

— Спасибо. Увидимся в субботу?

— Я завтра на дегустации.

— Точно. Завтра.

Он уехал, а Тая постояла возле своей машины чуть дольше, чем требовала тяжёлая колонка. Дочь. Четвёртый класс.

Она не знала, свободен ли он вообще. Фартук, картошка, пара удачных реплик — какое впечатляющее количество сведений, чтобы уже выбирать интонацию для следующей встречи.

* * *

В четыре позвонила Лида.

— Ты мой адрес кому дала?

— Соне. Для согласования цветов. Я тебя спросила утром.

— Соня хорошая. Мама у неё тоже хорошая. Только пришли обе, а голоса у них на восемь человек. Ты можешь объяснить, что пионы не пахнут по моему приказу?

Тая прижала телефон плечом и начала печатать сообщение Соне.

— Что случилось?

— Ничего страшного. Тамара сказала, от белых роз похоронное настроение. Я показала розовые. Она говорит: розовый для юных. Я не успела спросить, какой цвет положен мне, пока ещё не пыльный серый.

— Лид.

— Всё в порядке. Мы договорились. Я просто делюсь радостью.

Тая перестала печатать.

— Я хотела вмешаться.

— Знаю. А я уже взрослая. У меня даже кредит на холо-

дильную камеру.

Они поболтали ещё пять минут. Оказалось, Кира потеряла новые кроссовки в раздевалке и принесла чужие на два размера больше, а Лида на выходных идёт фотографироваться «без цветочного фона, чтобы было видно лицо». Тая обещала помочь выбрать одежду и вписала воскресный вечер в календарь.

Когда она убрала телефон, у кафе через дорогу остановилась знакомая машина. Роман вышел со стороны водителя. С другой стороны появилась девочка с высоким хвостом и огромным пакетом, из которого торчали картонные деревья.

Тая смотрела всего секунду, но девочка успела заметить.

— Пап, это к тебе?

Роман обернулся. Его лицо на мгновение стало настороженным.

Тая помахала рукой.

— Я просто здесь стою. Добрый день.

— Добрый, — ответила девочка серьёзно. — Вы не знаете, где у вас мэр?

— В подстаканнике, — сообщил Роман.

— Ему там нельзя. У него рабочий день.

— Понимаю. Сейчас вернём.

Тая улыбнулась, но не подошла. Роман кивнул ей, взял у дочери тяжёлый пакет и пошёл к багажнику. Девочка что-то объясняла на ходу, возмущённо и быстро; он слушал, удерживая пальцами бумажную крышу, которая норовила

упасть.

Вечером Тая получила от Сони подтверждённое меню. Под ним было короткое сообщение от Романа: «Запеканка победила. До завтра».

Она напечатала: «Мэр вернулся к работе?»

Стерла вопрос.

Посмотрела на пустое поле, вернула его и отправила. Это было уже не про работу. Небольшое, но вполне определённое нарушение её собственных попыток держаться деловым человеком.

Ответ пришёл через десять минут: «Мэр работает. А вот завхоз уже ест парк».

За сообщением следовала фотография: кот с жёлтой мордой нюхал картонное дерево.

Оказалось, кот существовал и за пределами наклейки. Звали его, по всей видимости, Завхозом.

Глава 6 На четыре порции

На дегустации оказалось четыре порции, а желающих — семеро.

Тамара привела сестру, потому что у той «хороший вкус». Сестру звали Раиса, она сразу сказала, что картошка полнит, и взяла самую большую ложку. Соня смотрела в тарелку с тихим выражением лица, которое за последние дни научилась узнавать и Тая.

Игорь после ночной улыбался всем одинаково. Возможно, он просто спал с открытыми глазами.

Роман разрезал запеканку на семь частей.

— Так не поймёшь подачу, — заметила Раиса.

— Подачу на четверых можно было понять вчетвером.

Тамара напряглась. Соня вдруг кашлянула в салфетку, пряча смех.

Тая заняла место с краю, подальше от готовых тарелок. Она не была клиентом и не собиралась отнимать у Раисы право на углеводы, но Роман поставил перед ней ещё одну маленькую миску. Под столом она поймала его взгляд и еле заметно покачала головой. Он пожал плечом: попробовать всё равно придётся.

Кроме запеканки были тёплая рыба, которую можно было разделить вилкой, салат из редиса и большой пирог с сыром. Соня попросила убрать из салата сырой лук. Раиса возрази-

ла, что без лука не будет вкуса.

— Мне будет, — сказала Соня.

Это прозвучало негромко, но Роман сразу сделал пометку.

Тая выбрала не вмешиваться. Только отодвинула со стола рекламную папку, которую принесла Мила. На обложке опять была её фотография.

Вопросы еды закончились удивительно быстро. Дольше обсуждали стол отцу. Раиса впервые услышала о переносе фотографии в сад и решила, что Соня «не хочет память портить настроением». Тамара отвернулась к окну.

— Мы с мамой договорились, — сказала Соня.

— Я просто мнение высказала.

— Я слышала.

Соня взяла себе ещё немного салата без лука. Игорь подал ей тарелку. В этой слаженности было столько простого удовольствия, что Тая отступила со своими заготовленными словами. Может быть, церемонию действительно стоило начать позже обычного и дать им сначала спокойно позавтракать.

После дегустации Соня с Игорем остались у Галины Мироновны сверять окончательные условия. Вчера вечером Денис прислал подтверждения по залу и первой части кухни; остальное обсуждалось отдельно, со всеми участниками. Тая отказалась составлять эти бумаги сама. Их проверяла юрист, которую нашла Соня по рекомендации коллеги. Из-за этого встреча шла медленнее, чем хотелось Денису, зато никто

больше не называл платёжным поручением картинку, на которой платёж только собирались сделать.

Тая проводила Тамару с сестрой до двери. Раиса унесла в коробочке остаток пирога, предварительно сообщив, что сыр солоноват.

— Но тесто хорошее, — добавила она уже на лестнице.

Роман, услышав, театрально положил ладонь на грудь. Тая отвернулась, чтобы не засмеяться при женщинах.

* * *

Мила ждала её в маленькой комнате у кухни. На столе лежали папки, свёрнутый баннер и несколько бумажных стаканов, в которых засох кофе. В коробке из-под бокалов кто-то хранил зарядные устройства.

— Я составила, что кому обещали в переписке, — сказала она. — Не только по договору.

Тая села.

— Спасибо.

Девушка подвинула ноутбук. У Яны значился большой экран с детскими фотографиями, у Полины — отдельная зона для прямого эфира, у Дины — ведущий на вечер, хотя Алексей собирался обойтись без конкурсов. Там было ещё много небольших «конечно» и «без проблем», которые Денис добавлял по ходу разговоров. Ни одно по отдельности не казалось катастрофой. Вместе они требовали ещё одного

праздника поверх каждого уже заказанного.

— Ты почему не говорила? — спросила Тая.

Мила потянула рукав на ладонь.

— Я говорила Денису. Он отвечал, что это входит в организацию.

— А ты что думала?

— Что я с февраля работаю. И у него агентство десять лет.

Тая откинулась на спинку стула. Девушка смотрела испуганно и с вызовом одновременно. Тая вспомнила, как в двадцать два года доверяла уверенным людям, особенно если у них были собственный офис и принтер, который печатал с двух сторон.

— Ты правильно сделала, что собрала это, — сказала она.

— Дальше говори прямо клиентам, что подтверждено, а что нужно проверить. Даже если он сердится.

— Он меня уволит.

Тая хотела сказать, что не уволит. Не сказала.

— Может быть. Я не могу обещать за него. Но если люди потеряют деньги из-за твоих сообщений, легче не будет.

Мила кивнула, глядя в стол. Тая поняла, как мало утешения предложила. Ничего более добросовестного у неё сейчас не было.

В коридоре хлопнула дверь. Денис вошёл с плотным конвертом и новыми очками, которые обычно надевал для переговоров. Тая когда-то сказала, что в них он похож на человека, прочитавшего условия мелким шрифтом. Тогда они

оба смеялись.

— Девочки, хорошие новости.

Мила машинально выпрямилась.

Тая осталась сидеть.

Денис положил конверт на стол. Внутри оказалась презентация: несколько свадебных фотографий, эскиз большой сцены на берегу, логотип местной сети отелей. Предлагалась серия материалов о последних праздниках в «Липовом берегу» и переезде команды на новую площадку. На одном слайде рядом стояли Тая и Денис — снимок из старого интервью, сделанного ещё до развода.

— Это предварительно, — сказал он быстро. — Визуал потом поменяем.

Тая сняла со стола свои очки, чтобы не положить их поверх его распечатки.

— Кто должен дать согласие?

— Все участники, конечно. Мы предложим скидки. Им тоже выгодно.

— У Дины свадьба через девять дней. Она не хочет публичности.

— Значит, берём общий кадр. Там же могут быть разные уровни. Ты ещё не посмотрела, а уже ищешь, где нельзя.

Он говорил с тем заразительным подъёмом, который раньше заставлял её забыть все списки. В комнате сразу стало тесно от возможных будущих успехов. Мила осторожно подвинула ноутбук к стене.

— Они смогут получить свои деньги, даже если не захотят сниматься? — спросила Тая.

— Смотря о каких деньгах ты сейчас.

— О тех, которые уже заплатили тебе.

Денис открыл рот, потом опустил глаза в презентацию.

В дверях появился Роман.

— Галина Мироновна просила вас подойти, — сказал он Денису. — По сегодняшнему переводу.

— Сейчас закончим.

— Она ждёт банк. До четырёх.

Денис посмотрел на часы, собрал конверт, но один лист оставил перед Таем.

— Просто посмотри спокойно. Не обязательно всё превращать в бой.

Он вышел. Мила последовала за ним с ноутбуком. Тая осталась за столом со своей фотографией, на которой бывший муж держал её за талию.

Роман ещё стоял в дверях.

— У вас получилось? — спросил он.

— Что именно?

— С договорённостями.

— По первой свадьбе — да. По остальным пока проверяют.

Он посмотрел на лист. Тая увидела, как у него изменилось лицо, и неожиданно разозлилась: у неё не было сил объяснять ещё и эту фотографию.

— Это старый снимок.

— Я вижу.

— Мы с Денисом были женаты. Уже два года как нет. Если вы об этом.

Роман перевёл взгляд на неё.

— Я о том, что на слайде стоит «команда проекта». Вы договорились за мою кухню?

Злость мгновенно лишилась основания. Тая отвернула лист. Внизу действительно были напечатаны названия подрядчиков, включая его.

— Нет. Я ничего за вас не согласовывала. И сейчас не соглашусь. Он принёс это как предложение.

— Хорошо.

— И я не собираюсь с ним снова жить, — добавила она зачем-то.

В комнате стало очень тихо.

Роман убрал руку с дверного косяка.

— Это я не спрашивал.

— Знаю.

Она посмотрела на свои ладони. Ноготь на большом пальце расслоился у самого края. Хотелось заняться им прямо сейчас и не поднимать глаз.

— Неудачный день для презентаций, — сказал Роман.

Тая тихо фыркнула. Он тоже улыбнулся, но не стал избавлять её от всей неловкости сразу.

— Тогда мне нужно увидеть условия, прежде чем они ку-

да-то пойдут, — добавил он. — По кухне. По остальному вы сами.

— Я попрошу прислать всем отдельно. И уберу нашу общую фотографию.

— Вашу общую фотографию можете оставить, если нравится. Мой логотип — с моего согласия.

Он ушёл. Тая ещё минуту сидела, слушая за стеной звук вытяжки. Потом нашла в телефоне переписку с Денисом и написала три коротких пункта: никаких её старых семейных фотографий в деловых материалах; никаких обещаний от её имени; никаких согласованных услуг кухни, пока Роман не подпишет свои условия.

Отправила. Сразу переслала Роману последний пункт отдельно.

Он ответил: «Спасибо. Завтра сможете в семь? Надо проверить расстановку».

Она прочла сообщение несколько раз, пока наконец не вспомнила, что речь о семи вечера. В семь утра ресторан был бы закрыт.

«Смогу».

Уже на выходе Тая оглянулась в кухонную дверь. Роман пробовал соус, держа ложку над миской, чтобы не капнуть на пол. Заметив её, поднял вторую чистую ложку — без вопроса, просто показал. Она покачала головой: пора было звонить Дине.

Он кивнул и отвернулся к плите.

Тая ушла, очень отчётливо чувствуя, что хотела остаться ещё на одну ложку.

Глава 7 После закрытия

К семи вечера дождь стоял над рекой сплошной серой стеной. Капли били в террасу так ровно, что отдельные звуки уже не различались. Соня прислала скриншот прогноза на субботу и один вопросительный знак. Тая ответила фотографией накрытого зала: «Сухой вариант тоже настоящий».

Сухой вариант состоял из шести столов вместо одного длинного, небольшой свободной площадки для церемонии и стола с фотографией у окна. Галина Мироновна не разрешила двигать тяжёлую тумбу: под ней оказалось пятно, которое до передачи помещения она собиралась закрыть ремонтом. Тая переставляла стулья, пока не поняла, что нарисованная на бумаге расстановка не оставляет прохода к двери.

Она стояла посреди зала с рулеткой и мысленно убеждала себя, что десять сантиметров — это очень много.

— Не растянется, — сказал Роман за спиной.

— Вы не знаете, я ещё не всё попробовала.

— Я знаю этот стул. У него принципиальный характер.

Он помог передвинуть столик для церемонии. Пришлось отказаться от двух декоративных стоек, которые взяли бы нужную ширину. Тая сфотографировала результат и отправила Соне. Отдельно написала, что стойки не понадобятся, и попросила не воспринимать это как потерю праздника.

Потом стёрла последнюю фразу. Соня уже ответила:

«Очень красиво. А можно мы будем стоять ближе к окну?»»

Тая повернула стул.

— Можно. Посмотрите вот так.

Роман держал второй край столика, пока она делала снимок. На его футболке была маленькая дырка возле плеча, аккуратно зашитая нитками другого оттенка. Тая не собиралась разглядывать, но близко стоящего человека трудно было видеть только как должность.

— Свет нормально? — спросил он.

— Да.

Он всё ещё держал столик.

— Я могу отпустить?

— Можете.

Тая быстро опустила телефон. Ей показалось, что он понял, почему она так долго проверяла свет, но Роман лишь пошёл за следующим стулом.

Лида приехала к половине восьмого. Привезла коробку со стеклянными вазами, поставила на стол и сразу взглянула на часы.

— Я до восьми. Потом у Киры школьная ярмарка завтра, нам надо сделать двадцать бутербродов в форме чего-нибудь, что ещё можно съесть.

— Тамара просила поднять композиции выше, — сказала Тая.

— Соня тоже просила?

— Нет. Тамара.

— Тогда композиции останутся как согласовали с Соней.

Тая прикусила язык. Она собиралась сначала объяснить просьбу, потом предложить маленькую уступку, потом помочь Лиде переставить цветы — и всё это незаметно заняло бы ещё сорок минут.

Подруга распределила вазы, проверила каждую на скол, оставила схему утренней доставки. Роман принёс ей пару пустых коробок для перевозки. Лида оценила качество картона с профессиональной серьёзностью.

— За такой можно выйти замуж, — сказала она.

— За коробку? — уточнил Роман.

— Люди берут и с меньшим набором достоинств.

Он усмехнулся. Тая заподозрила, что эти двое быстро договорятся за её спиной, если понадобится доказать, что она опять берёт на себя лишнее.

В восемь Лида действительно ушла. По дороге остановилась у двери, посмотрела на них и подняла одну бровь. Тая выразительно показала на часы. Подруга кивнула с преувеличенным пониманием.

В зале погасла половина света. Лена, уже в куртке, пожелала хорошего вечера и позвала Романа проверить холодильник. Тая собралась собирать сумку. Впереди была ещё правка юбилейной речи: жена Валерия Ивановича попросила добавить «побольше торжественности».

Дождь за окнами усилился.

Она подошла к служебной двери. Роман с Леной смотре-

ли на электронный экран, потом шеф коротко кивнул. Лена ушла, держа над головой пакет вместо зонта.

— Всё в порядке? — спросила Тая.

— Да. Датчик дурит, проверили обычным термометром. Галина Мироновна обещала замену до конца месяца.

— Это тот холодильник, который она собирается менять?

— Который новым владельцам менять. Мы свои последние недели ещё доживём. Только следить надо.

Он записал температуру на листок у двери. Тая заметила, как хотелось сказать: «Может, я могу помочь?» — хотя она совсем не разбиралась в холодильниках. Вместо этого осталась стоять в коридоре.

— Вы ужинали? — спросила она.

— Пробовал всё, что готовил.

— Это не то же самое.

Роман посмотрел на неё.

— Начинаете заботиться о поваре?

— Начинаю искать предлог, чтобы не ехать сейчас под дождём. Забота — прикрытие.

Она сказала это честнее, чем собиралась. Он не улыбнулся сразу.

— Тогда есть суп. И хлеб. Хороший предлог получится.

* * *

Они ели за маленьким столом у входа на кухню. Большой

зал в полутьме был слишком нарядным для двух тарелок чечевичного супа. Роман поставил рядом хлеб и помидоры, нашёл в холодильнике кусок сыра. Тая сначала отложила телефон экраном вниз, потом убрала в сумку совсем.

Он заметил.

— Что?

— Ничего. Редко кто так делает.

— Я сегодня уже написала всё, что хотела. Теперь пусть кто-нибудь другой.

Суп был чуть острым. Она откусила хлеб и почувствовала, как за целый день впервые отпускает плечи. Роман ел быстро, без поварских церемоний, и только к середине тарелки замедлился, будто вспомнил, что никто не требует следующего блюда.

— Вы всегда здесь допоздна? — спросила Тая.

— Не всегда. По средам ухожу рано. А выходные каждую неделю сверяем. Сейчас у меня сезон, потом у Ксении в июле выезды, Алиса будет неделями со мной. Мы договариваемся.

Он сказал это спокойно, без вызова и без осторожного выяснения, не испугается ли она.

— У неё есть любимое ваше блюдо?

— Макароны без всего.

Тая засмеялась.

— Тяжело вам.

— Она говорит, я могу всё испортить зеленью. Ксения называет это наследственным. У неё тоже всё должно быть по

месту.

— У Алисы или у Ксении?

— У обеих. Но сейчас мы с Ксенией хотя бы не пытаемся жить на одной кухне.

Тая опустила глаза в тарелку. Значит, свободен. Значит, сама она сидит здесь не случайно, как бы ни объясняла себе дождём.

— Мы четыре года как разошлись, — добавил Роман. — Нормально общаемся. Бывает, спорим. В основном про расписание.

— Мы с Денисом тоже сначала спорили про расписание.

— А потом?

Она подумала.

— Потом мне стало всё равно, когда он приедет. Это оказалось хуже.

Роман не ответил сразу. За стеной щёлкнула выключенная плита. В зале пахло мокрыми листьями: кто-то оставил приоткрытой дверь на террасу.

— Вы вообще умеете отдыхать? — спросил он наконец.

— У меня отлично получается покупать для этого вещи. Коврик для йоги, например. Очень хороший коврик.

— Мешает?

— Лежит под кроватью, не жалуется.

— Значит, уже удобнее большинства людей.

Она рассмеялась с полным ртом и прикрыла губы салфеткой. Роман смотрел открыто. Ей не хотелось сдерживать

смех. Можно было доестъ, вытереть суп с подбородка и продолжить разговор.

Он рассказал, как начинал в кафе у вокзала: большой мешок лука каждый день, музыка из телевизора, начальник, который боялся менять меню. Тая рассказала про свою первую церемонию, где жених забыл имя будущей тётки, а она под сказала неверно. Тёща была Светлана, сказала вслух, что Валентина — её сестра, и следующие двадцать минут все пытались не смотреть друг на друга.

— Они потом развелись? — спросил Роман.

— Не знаю. Я после этого перестала следить за всеми парами. Очень утомительное занятие.

— А за своей?

Тая помолчала.

— За своей следила слишком внимательно. Мы на фотографиях были гораздо счастливее, чем в машине по дороге домой.

Ей показалось, что сказала лишнее. Роман отвёл взгляд от её лица и потянулся за хлебом — не из неловкости, а словно дал время самой решить, продолжать ли.

Она не продолжила. Спросила про кота.

Завхоз оказался общим котом: сначала завёлся во дворе ресторана, потом выбрал квартиру Романа и теперь возмущался, когда его везли обратно к рабочему месту. Алиса считала, что коту нужен выходной от людей.

— Она права, — сказала Тая.

— По этому вопросу я с ней не спорю.

К девяти дождь поредел. Тая встала, помогла убрать тарелки. На этот раз он не возражал против одной вымытой миски — просто показал, где сушить.

У двери она остановилась.

— Спасибо за ужин.

— Приходите под дождь ещё.

Это легко можно было принять за обычную вежливость. Тая решила не делать этого.

— А без дождя?

Роман посмотрел на неё, и тишина между ними вдруг стала гораздо отчётливее стука капель.

— Без дождя тоже.

Он открыл дверь. На пороге оставалось мало места. Тая прошла мимо, чувствуя близко его плечо, но он не прикоснулся. На улице было прохладно, и она только там поняла, насколько ей стало жарко в помещении.

В машине нашла сообщение от Лиды: «Бутерброды в форме звёзд. Четыре получились похожи на ДТП. Всё равно красивые».

Тая ответила фотографией мокрой террасы. Ни Романа, ни тарелок в кадре не было.

Подруга тут же написала: «Ясно. Хорошего вечера».

По дороге Тая не включала ни музыку, ни чужие голосовые сообщения.

Глава 8 Завтрак для двадцати четырёх

В субботу дождя не было. В половине девятого Тая стояла на террасе с запасными полотенцами и чувствовала себя человеком, который принёс лыжи на пляж.

Лида поставила последний букет на стол, прищурилась и повернула вазу на два сантиметра.

— Убери их пока. Накличешь.

— Ты же не суеверная.

— Я флорист. У нас всё разрешено, если машина приехала вовремя.

В саду сушились дорожки. Листья блестели, по траве тянулась длинная полоса солнца. Роман вышел из кухни, присел возле одной из скамеек и провёл ладонью по дереву. Потом взял у Таи полотенце без единого слова.

— Не накаркала, — сказала она Лиде.

— Пока нет.

Первым приехал Игорь с матерью. Мать молчала, придерживая на коленях коробку с домашними пирожками: боялась, что гостей не хватит чем накормить. Роман принял коробку так уважительно, будто ему доставили особенный ингредиент из другой страны, и отвёл женщину показывать кухню. Та ушла за ним с облегчением.

Соня появилась в десять сорок. Платье было простое, с

широкими бретелями; плечи уже успели порозоветь от волнения. На затылке держалась маленькая заколка с жемчугом, а на ногах были белые кеды. Тамара вышла из машины следом, с букетом для фотографии мужа.

— Мы чуть не приехали к одиннадцати в загс, — сказала Соня, целуя Тая в щёку. — По привычке. Хотя только что из него вышли.

— Ничего. Здесь второй раз регистрировать не будут.

— Спасибо. Одного мне хватило.

Она смеялась слишком громко, но держала Игоря за руку. Тая посмотрела на них и спрятала часть заготовленных фраз поглубже в папку.

Денис стоял у входа в зал. Он приехал в светлом костюме и помогал гостям найти места; сегодня был без привычных наушников, чтобы не разговаривать сразу с тремя людьми. Тая коротко кивнула ему. Они договорились работать без личных разговоров. Для одного дня этого было достаточно.

Первую тарелку Соня получила раньше, чем успела оглядеться. Села, взяла вилку и недоверчиво посмотрела на Игоря.

— Мы правда сейчас просто едим?

— Я специально тренировался, — ответил он.

Из-за соседнего стола кто-то попросил поднять бокалы. Тамара уже встала, держась за край стула, но увидела, что дочь ещё не начала завтракать, и медленно села обратно.

Тая стояла у двери и не вмешивалась. Роман выглянул из

кухни, проверил столы взглядом, встретился с ней глазами. Она подняла большой палец. Он не сделал ответного жеста, только кивнул и исчез.

Через пятнадцать минут в зале зашумели: люди оттаяли, перестали ждать команды и начали разговаривать друг с другом. Возле окна устроилась пожилая тётя в сиреневой шляпке. Она сняла шляпку, посмотрела на её внутреннюю сторону и надела снова. Соседка подозвала официанта попросить воды не холодной. Игорь выслушивал рассказ друга по депо, повернув голову, а второй рукой подкладывал Соне пирог.

Тая заметила, как редко на чужих свадьбах позволяла себе просто посмотреть.

После завтрака все вышли в сад. Тамара принесла фотографию мужа и поставила под липой на отдельный стол. Возле неё был небольшой букет — без чёрной рамки, без специально пустого места среди гостей. Солнечный блик скользнул по стеклу. Соня сама поправила цветы.

На церемонии Игорь сначала стоял так прямо, словно ждал проверки документов. Тая предложила ему выдохнуть, и гости засмеялись. Он выдохнул очень старательно, чем вызвал второй смех, уже свободный.

— Соня попросила меня не рассказывать, как они познакомились, — сказала Тая. — Потому что познакомились они три раза. Первый раз — на остановке, второй — в ветеринарной клинике, а третий Соня уже точно решила, что он специально ходит за ней.

Игорь повернулся к невесте.

— У меня был маршрут.

— Я знаю. Через наш двор.

Тая дала им договорить. Иногда лучшая часть церемонии возникала между строчками, которые она писала ночами.

Соня не хотела длинной клятвы. Она рассказала, как Игорь после ночной смены шёл с ней искать собаку, хотя собака нашлась через полчаса дома за занавеской. Рассказала без красивого вывода. Потом замолчала, посмотрела на него и сказала:

— Я хочу домой с тобой. Даже если мы только что оттуда.

Тамара быстро достала платок. Тая опустила папку на пару сантиметров, чтобы не заслонять лицо.

У Игоря была записка на обороте квитанции. Он извинился за бумагу. Соня отмахнулась так решительно, что гости снова засмеялись.

Он не обещал никогда не сердиться. Сказал, что бывает упрямым и знает это; что научился не советовать ей, когда она сначала хочет пожаловаться; что ему нравится, как она поёт, когда думает, что дома никого нет. На последней фразе Соня закрыла лицо ладонью.

— Вот это можно было не при всех.

— Поздно, — сказал он. — Уже прочитал.

Они поцеловались под аплодисменты. Кто-то бросил лепестки слишком рано, и половина осталась у Игоря на затылке. Роман, стоявший у боковой двери с полотенцем че-

рез плечо, вдруг отвернулся. Тая заметила его движение и не стала разглядывать дальше.

* * *

После обеда мать Игоря достала свои пирожки. Никто не возмутился, что в ресторане появилась чужая еда: заранее всё обсудили, пирожки подали отдельным блюдом к чаю. Женщина покраснела от удовольствия, когда Галина Мионовна попросила передать рецепт начинки.

Раиса нашла Таю у стола с водой.

— Вы знаете, получилось не так уж плохо.

— Я рада.

— Только мало торжественности. Но они, кажется, довольны.

Тая посмотрела в сад. Соня сидела на корточках, поправляя кеду девочке лет пяти. Подол платья лежал прямо на траве. Игорь держал перед невестой тарелку с пирогом, потому что она не успела доесть.

— Кажется, да, — сказала Тая.

Музыкант не смог найти нужный трек для первого танца. Папка называлась «Соня точно», потом обнаружилась ещё одна — «Соня окончательно». Пока искали, Игорь начал напевать сам. Голос был низкий, немного усталый, мелодия простая и Тае незнакомая. Соня подошла, положила ему руки на плечи, и они стали медленно двигаться на маленькой

площадке, ещё мокрой по краям.

Когда запись наконец включилась, Игорь поднял ладонь: не надо.

Тая слышала, как гости стали говорить тише. Роман по-дошёл забрать пустые стаканы. Их плечи почти соприкасались. Она посмотрела на его руку на подносе: сильные пальцы, короткие ногти, тонкий красный след от горячего края кастрюли. Ей захотелось взять его под руку — так просто, как это делала Соня. Мысль оказалась слишком ясной, чтобы объяснить её чужим свадебным настроением.

— Хорошая работа, — сказал он.

— Их?

— Ваша тоже.

Она подняла глаза. Роман смотрел на неё без обычной усмешки. Тая впервые за день не нашла, что ответить.

* * *

Гости начали расходиться раньше семи. Тамара перед уходом задержалась у фотографии мужа, потом забрала её вместе с цветами. Сказала Тае спасибо и вдруг добавила:

— Я боялась, если не буду следить, никто ничего не делает.

— Сегодня сделали.

— Да. Сегодня сделали.

Она повернула рамку лицом к себе и понесла к машине.

Денис рассчитался с последними подрядчиками при Галине Мироновне, собрал папки и уехал. На прощание хотел обнять Таю, но остановился, увидев, что у неё в руках стойка для микрофона. Ограничился коротким касанием плеча.

— Мы можем, когда захотим.

Тая не стала спорить в пустом зале. Поставила стойку в чехол.

За окном снова накрапывало. Она складывала свои бумаги, проверяя, не забыла ли запись Игоря: он попросил вернуть. Роман вышел из кухни уже в куртке и поставил рядом две коробочки.

— Пирог. Один вам, второй для вашей подруги, если увидите.

— Лида в воскресенье у меня. Отдам.

Он кивнул. Они ещё постояли, оба не очень понимая, зачем не уходят. День был длинным; в тишине после голосов даже дыхание казалось громче.

— Вы обычно после работы что делаете? — спросила Тая.

— Обычно пытаюсь понять, где оставил ключи.

Он похлопал по карману. Ключи звякнули.

— Сегодня уже понял.

— Можно погулять, — сказала она. — Если вы не слишком устали.

Роман посмотрел на неё внимательно, без спасительной шутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.